

ступны для исследователей. Фонду Л. Д. Белькинда присвоен номер 49; его общий объем составляет 1815 единиц хранения (дел).

Л. Д. Белькинд бережно собирал и хранил у себя документы, связанные с работой, научной и творческой деятельностью. Он сохранил личные письма и некоторые дневниковые записи, которые могут послужить незаменимым источником для исследователей.

В фонде представлены следующие материалы:

1. Монографии, статьи, очерки по электронике, истории науки и техники (1921–1969): «Русская электрическая лампа накаливания» (1926); «К вопросу о рационализации освещения в текстильной промышленности» (1927); «Электрические осветительные приборы ближнего действия» (1934); «Развитие энергетики и электротехники в годы реализации пятилетних планов» (1938); «Светотехника» (1943); «Энергетика советского периода» (1956) и др.

2. Биографические исследования об ученых-электротехниках: П. Бугер, А. И. Шпакковский, П. Н. Яблочков, Т. А. Эдисон, Ч. П. Штейнмец, А. М. Ампер; Э. Арнольди, С. П. Власов, И. С. Гагин, Н. Г. Глухов, М. О. Доливо-Добровольский, А. Н. Лодыгин, Ф. Э. Нейман, В. В. Петров, И. В. Риттер, В. Н. Чиколев, Б. С. Якоби (статьи, 1934–1965).

3. Макет биографического справочника об ученых-электротехниках (с XVIII в. до середины 50-х гг. XX в. и материалы к нему).

4. Лекции по курсам: «История развития светотехники» (1936); «Теоретические основы светотехники» (1948); «История техники» (1948); «Развитие электропромышленности в СССР» (1949); «Ремесло, промысел и техника в допетровской Руси» (1949); «Энергетика СССР» (1950).

5. Дневниковые записи (1946, 1948, 1963, 1967–1969).

6. Заметки для воспоминаний: об учебе в Харьковском технологическом институте (1913–1919), о работе в Главэлектро и Электротресте (1923–1927).

7. Рецензии и отзывы на монографии и статьи по истории техники (1927–1969).

8. Документы о работе в Электротресте Центрального района (1925–1926), Главэлектро (1926) и на заводе «Электросвет» (1930–1932): отчеты о работе по организации производства рациональной электроосветительной арматуры (1925), о деятельности Совещания по осветительной технике за первый год его существования (1926), докладная записка о рациональном использовании электроэнергии (1930), протоколы заседаний рабочей комиссии по стандартизации осветительной арматуры при заводе «Электросвет» и материалы к ним и др. Фотографии электростанций.

9. Документы о научной деятельности Комиссии по истории техники при Отделении технических наук (ОТН) АН СССР (1945–1953) и в ИИЕТ АН СССР: протоколы заседаний; тезисы докладов по истории техники; разработка методики работы над материалами по истории техники; периодизация истории естествознания; стенограмма заседаний, посвященных юбилейным датам ученых; планы исследований и изданий по истории техники в СССР (1953–1969).

10. Документы о педагогической деятельности в МЭИ: планы работ кафедры энергетической техники, программы занятий студентов, групповые фотографии преподавателей МЭИ (1935–1967).

11. Документы об участии в работе всесоюзных и международных научных обществ, ассоциаций и комиссий: уставы, протоколы заседаний, бюллетени Всесоюзной ассоциации лабораторий осветительной техники (1926–1933), Общества русских электротехников (1927–1929), Комиссии АН СССР по реконструкции г. Москвы (1926–1935), Всесоюзной ассоциации инженеров (1927), Всесоюзного научно-технического общества светотехников (1931), Всесоюзного научного инженерно-технического общества (1938), Светотехнической комиссии ОТН АН СССР (1961–1969) и др.

12. Документы об участии во всесоюзных и международных конгрессах, съездах, конференциях и сессиях (1927–1968): положения, программы, стенограммы и протоколы заседаний, тезисы докладов на секциях IX Всесоюзного электротехнического съезда (1927), всесоюзных светотехнических конференциях (1927, 1929, 1964), Всесоюзной

научно-технической сессии по светотехнике (1946–1947), отчет о работе I Международного конгресса по осветительной технике (1928), протоколы заседаний Советского национального комитета Международной комиссии по освещению (1960, 1963, 1967–1968); бюллетень и циркуляр XII Международного конгресса историков науки и тезисы доклада на конгрессе (1968). Фотографии участников конгресса светотехники (1928).

13. Переписка с советскими и зарубежными учеными и инженерами-энергетиками: Г. П. Кравецом, В. И. Смирновым, А. М. Терпигоревым, М. А. Шателеном и др. (1927–1969).

14. Фотографии Л. Д. Белькинда, его родных, друзей, коллег, русских и зарубежных ученых-электротехников.

Таким образом, личный фонд Л. Д. Белькинда представляет значительный научный интерес и является важным источником как для изучения жизни и творчества самого Л. Д. Белькинда, так и для истории и историографии науки и техники в нашей стране.

Литература

1. РГАЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 697.
2. Московский энергетический институт им. В. М. Молотова. 1905–1940 гг. М.–Л., 1940.
3. Кедров Б. М., Микулинский С. Р. и др. Профессор Л. Д. Белькинд [некролог] // Вопросы истории естествознания и техники. 1970. Вып. 2 (31).
4. Л. Д. Белькинд [некролог] // Электричество. 1970. № 3. С. 93.

Л. Д. БЕЛЬКИНД

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ*

Я родился 15 авг[уста] 1896 г. (по старому стилю), т. е. 27 августа в г. Миргороде Полтавской губ[ернии], где отец мой занимал должность городского ветеринара. В раннем возрасте — несколько месяцев — я был перевезен в г. Барнаул Алтайского края (прежде Томской губ[ернии]), куда перевели на работу моего отца. По этой причине — проживания моего почти с самого рождения в течение нескольких лет в Барнауле — этот город в паспорте указан как моя родина. Отец мой, Давид Израилевич Белькинд, происходил из мещан Виленской губернии; он родился в Миргороде 18.VIII.1864 г. старого стиля в семье учителя, окончил там уездное училище и позднее, в 1883 г., экстерном Лубенскую классическую гимназию. Образование он получил в Дерптском ветеринарном институте (1885–1889 гг.). Уже в зрелом возрасте, в 1906 году, он поступил на медицинский факультет Харьковского университета, который окончил в мае 1909 г. Мать моя Берта Теодоровна Белькинд, уроженка г. Вилькомира (ныне Укмерге) б[ывшей] Ковенской губернии. Она родилась в июле 1875 г. в семье нотариуса. Получила домашнее образование, обучалась в Виленской музыкальной школе. Отец умер в 1925 г., мать пережила его только на 1½ года и скончалась летом 1927 г. С 1902 года родители жили в г. Кременчуге б[ывшей] Полтавской губ[ернии], где я окончил реальное училище (1905–1913 гг.). В выпуске 1913 г. я был первым по баллам, а моя письменная работа на выпускном экзамене реального училища по основаниям анализа бесконечно малых была отмечена похвальным отзывом со стороны Киевского учебного округа. Из учителей

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами.

реального училища, которые оказали на меня большое влияние, я должен упомянуть учителя приготовительного класса Дмитрия Яковлевича Бонч-Бруевича, который буквально научил меня работать над учебниками и исполнять с предельной аккуратностью письменные работы, а также других учителей: франц[узского] языка — Михаила Михайловича Волкова, истории — Германа Викторовича Бабинского, математики — Николая Алексеевича Элпидинского, физики — Семена Семеновича Голятовского. Учился в реальном училище я так: в приготовит[ельном] классе был первым учеником, в I–III классах был не выше среднего уровня, переживал какой-то кризис, понять который мне и теперь трудно; начиная с VI класса я как бы стал набирать «пары», из года в год улучшая отметки и знания. Окончил училище первым учеником. Желая продолжать образование на филологическом факультете, я подготовился к сдаче экзамена по латинскому языку за гимназический курс. Однако введенная министром Кассо в 1913 г. жеребьевка для евреев, поступающих в университеты, свела на нет все преимущества моего отличного аттестата реального училища. Пришлось держать приемный экзамен в одно из высших технических учебных заведений. Выбор мой пал на Харьковский Технологический институт по следующим причинам. В этом городе окончил институт мой отец, в Харькове были знакомые, туда же предполагали поступать некоторые из моих товарищей по выпуску. Во второй половине августа я держал экзамены в ХТИ на механическое отделение; на пяти предметах получил 23 $\frac{1}{2}$ балла: сочинение, тригонометрия и физика по 5, алгебра 4 $\frac{1}{2}$ и геометрия 4. Конкурс был высоким, и я был зачислен в институт только 23.XII.1913 г., когда освободились вакансии после очередного выпуска инженеров.

Среди моих товарищей по реальному училищу были Дм[итрий] Темкин (известный композитор в США), Лев Пеньковский (поэт, переводчик поэтов среднеазиатских республик), Борис Николаевич Карпов (известный московский художник-портретист), Ром[ан] Ник[олаевич] Палий (геолог, проф[ессор] Киевск[ого] университета), Ив[ан] Степ[анович] Комиглан (профессор геологии в Ленинграде).

В Харьковском технологическом институте я обучался ок[оло] 6 лет; за это время началась и окончилась Первая мировая война, началась революция. Защищал я дипл[омный] проект на тему: «Герметическая котельная океанич[еского] парохода»; работал над ним под руководством проф[ессора] Григория Федотовича Туракова. По совокупности полученных баллов и оценки дипломного проекта получил диплом с отличием и звание инженер-технолога с правом на чин XII класса. Во время пребывания в институте уделял много времени общественной работе: был членом правления студенческой библиотеки им. Л. Н. Толстого (это был центр «крамолы» в ХТИ), членом правления студ[енческого] лит[ературно]-худ[ожественного] кружка, председателем Сибирского землячества студентов г. Харькова, членом правления студенческой амбулатории, а с 1917 — 1919 гг. — членом правления Харьковского общестуденческого кооператива.

Я должен сейчас чистосердечно сознаться, что я не чувствовал влечения к наукам, которые мне пришлось изучать и, в частности, к графическим работам и проектированию. Тем не менее я завершил курс с высоким успехом. Остались в памяти прекрасные лекции проф[ессора] Ант[она] Павл[овича] Пржеборского (аналитическая геом[етрия]), Торичана Павл[овича] Кравца (физика), Павла Петровича Копняева (электротехника), Вас[илия] Игн[атьевича] Гриневецкого (читавшего временно курс организации пром[ышленных] предприятий в 1917 г.), П. М. Лихачева (паровозы). Пользовался среди студентов большим успехом как лектор проф[ессор] А. Н. Шукарев (общая химия), читавший сугубо факультативные курсы на разл[ичные] научные вопросы, о мыслительной машине Дживонса, о началах термодинамики, по истории естествознания. Блестящие лекторы были тогда в составе химич[еского] отделения: И. П. Осипов, И. А. Красуский, А. П. Лидов, Ег[ор] Ив[анович] Орлов. Первые три из них были особенно представительны внешне, джентльмены в полном смысле этого слова. Профессора механич[еского] отделения были в массе менее утонченны, я бы сказал даже — грубее.

Я кончил институт в те дни, когда Советская армия освобождала Харьков от Рады, белогвардейцев и т. п. временных властей. Мне был выдан последний диплом, скрепленный гербовой печатью с орлом, лишенным короны. Так как мне готовили диплом в довольно тяжелые дни перехода Харькова в руки Красных частей, то диплом подписали за директора П. П. Копняев, за секретаря Совета — проф[ессор] Г. Ф. Проскура.

Как молодой инженер я поступил в кожевенный отдел Харьковского губсовнархоза. Пробыл там год и перешел в Южбюро ВЦСПС, а оттуда в Укрвнешгосторг. Время — около года — пребывания на работе в Южбюро ВЦСПС было абсолютно бесполезным для меня. В Губкоже и Укрвнешгосторге я работал над вопросами экспортного сырья — гл[авным] образом щетины и пухо-пера. Углубившись в этот вопрос, я увидел, что практика накопила очень много материалов по щетине, пуху и перу, но они нигде не записаны, и благодаря этому в этих отраслях существовало «секретничество». Нужно было выработать стандарты на эти виды экспортного сырья. Это мне удалось сделать: в результате добросовестного сбора и анализа материалов мною была издана монография по этим вопросам (изд[ание] Внешторга, 1923 г.), а также написаны соответствующие статьи в «Торговой энциклопедии Центросоюза», 1924 г. Статьи по щетине, пуху и перу не были моими первыми печатными произведениями. Еще раньше я участвовал в бригаде Южбюро ВЦСПС, объезжавшей украинские области и изучавшей организацию промышленности после НЭП. В результате обследования, которое я произвел, была напечатана большая статья в газете «Профессиональное движение».

Работа в губ[ернском] Кожевенном комитете и, позже, во Внешторге Украины меня не очень заинтересовала. Эта работа носила случайный характер по своему содержанию и мало развивала меня. Я примирился к этому времени с тем, что уже вряд ли когда-нибудь в жизни стану заниматься филологическими и историческими науками. Но оставаться в Харькове было весьма скучно. Не имея к[акой]-л[ибо] специальности, как инженер, я мог выполнять лишь канцелярско-техническую работу. Заводы тогда еще еле-еле становились на ноги после разрухи. Подумывал тогда о Москве. Представился благоприятный случай: б[ывший] председатель Южбюро ВЦСПС А. З. Гольцман переехал в Москву и занял пост начальника Главэлектрo. С ним в Москву переехали и другие сослуживцы по Южбюро ВЦСПС, в частности А. Я. Яковлев. В конце 1922 г. я получил сообщение, что могу получить в Главэлектрo должность и мне предоставят комнату. В феврале 1923 г. я поехал в Москву в командировку, а затем вернулся в Харьков лишь для сдачи дел. 1 марта 1923 г. я начал работать в Главэлектрo.

Я женился первым браком в 1918 г. В 1923 г. весной у меня родился сын. Летом 1923 г. я и моя семья переехали в Москву. Моя новая московская квартира была в доме Главэлектрo (бывшая до того школа) на Таганке, Нижняя Радищевская ул., 10.

В Главэлектрo мне пришлось заниматься делами по преимуществу организационного характера. В связи с существованием двух электротехнических трестов — ЭТЦР и Элмаштреста, — конкурировавших друг с другом повсюду в провинции при монтажных работах и при торговле электроизделиями, требовалось обследовать эти нездоровые факты. Я объездил Харьковское, Киевское, Петроградское и др[угие] отделения обоих трестов и занимался этими малоинтересными делами. Мне пришлось, напр[имер], в Главэлектрo организовывать советский павильон на Тегеранской выставке (1923 или 1924 гг.), заниматься вопросом о выписке от Филиппа из Голландии вольфрамовых проволок для наших электроламповых заводов и т. п. Здесь пришлось столкнуться с лампами накаливания, каталогами Филиппа, работой наших ламповых фабрик и т. п. Председатель Филиппа ван-Энденбург неделями просиживал в Главэлектрo, стремясь продать побольше импортных ламп и т. д. Вот в этих условиях у меня впервые пробудился более глубокий интерес к лампам накаливания, а позже и к более широким вопросам светотехники. Учиться было не у кого: старая теперь, а тогда только что вышедшая книга

А. П. Иванова о лампах* и литографированный курс Б. Монаша по освещению** — вот все, что тогда было мне доступно из литературы. Я стал читать журналы — гл[авным] образом «Licht» и «Lampe», — и постепенно все больше и больше сведений у меня накапливалось. В марте 1924 г. я перешел на работу в правление ЭТЦР в качестве инженера лампового отдела. Так произошло еще большее мое приближение к светотехническим делам.

Я теперь вспоминаю, что работал я тогда очень много, изучал вопросы светотехники, правильнее: техники электрического освещения. Результат оказался весьма положительным. На фоне низкого уровня знаний в области светотехники, который был в то время характерен для наших специалистов, я оказался не очень уж низким специалистом. Меня пригласили вести в проектировании по электрификации промпредприятий руководство осветительной частью. Электрическую часть проектов вели Я. Б. Швагер и Н. А. Попов. Работал я в Моск[овском] электротехникуме (Кропоткинск[ая] наб[ережная], 11) до 1928 г. Так как большинство техников делало дипл[омный] проект по электрификации пром[ышленных] предприятий, то мне пришлось быть среди руководителей дипл[омных] проектов почти всех выпускников этой школы периода 1925–1928 гг.

В 1925 г. я временно преподавал курс светотехники в ГЭМИКШе. От этой школы у меня создалось тогда самое сумбурное впечатление, оно таким же осталось до сих пор. Старик Каган-Шабшай поставил мне условие: читать не только курс электрического освещения, но и ... сети. Не было преподавателя по этому предмету. По вечерам, в полутьме, среди явно утомленных и солово глядевших слушателей мне приходилось читать лекции. На скамьях сидели то одни, то другие слушатели. Вся система обучения производила явно хаотическое впечатление. В апреле 1927 г. я ведение занятий прекратил.

В ЭТУР я начал с работы в качестве инженера лампового отдела, но постепенно на меня возложили и вопросы производства арматуры, частично и установочного материала. Электропромышленность должна была значительно расширяться, намечалась постройка ряда новых заводов. При мне был маслостойкий завод за Покровской Заставой превращен в стекольный завод (для колб и дров), получен б[ывший] зав[од] Проводник, на котором создан Электрозавод, объединены моск[овские] арматурные фабрики (мелкие, кустарного типа) в большую фабрику, занявшую корпус на М[алой] Ордынке. Разрозненные ламповые фабрики — Кудринская, Мещанская и Покровская — объединились в МОФЭЛ***, занявший помещение б[ывшего] Елаховского ломбарда (теперь, в 1946 г., в этих зданиях Моск[овский] рентген[овский] завод). В 1927 г. короткое время — 1/2 года — был я гл[авным] инженером Моск[овской] арматурной ф[абрики], но не мог сжиться с кустарщиной, которая там царилась, и с грубостью директора К. В. Осипенкова и скоро с фабрикой расстался.

Весной 1927 г. ...****

Ноябрь 1946 г.

РГАЭ. Ф. 49 (Белькинд Лев Давидович). Оп. 1. Д. 697. Л. 37–40.

Публикация М. В. Калашиниковой

* Иванов А. П. Электрические лампы. [Петроград, 1923.]

** Монаш Б. Электрическое освещение. Издание кассы взаимопомощи студентов Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. СПб., 1910.

*** Московское объединение фабрик электрических ламп.

**** Здесь автобиография обрывается.

НА ЗИГЗАГАХ ИСТОРИИ И НАУКИ

Интервью с Ольгой Александровной Лежневой*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «...ЧТО СМОГЛА — СДЕЛАЛА»

В. П.: Ольга Александровна, итак, переходим к науке. Точнее, к Вашей работе в нашем Институте.

О. А.: В этот период моей жизни — а это почти пятьдесят лет — зигзаги истории сказывались уже непосредственно на тематике исследований, не затрагивая «линию судьбы». В то время академический институт — учреждение, финансируемое государством, где работа шла по плану, который утверждался Президиумом Академии наук и соответствовал установкам ЦК КПСС. Чем выше статус ученого, тем больше у него было возможностей «удовлетворять свое любопытство за счет государства». Я цитирую по памяти выражение Л. А. Арцимовича. У меня такой возможности не было — не было собственного творческого пути.

В. П.: Официальное заявление делаете?

О. А.: Да, да. Делаю официальное заявление. Чтоб никто не говорил, что она разрасывалась. Она не разбрасывалась. Ее разбрасывали.

С. С.: С чего началась Ваша работа в ИИЕ?

О. А.: Как и при определении темы кандидатской диссертации, установка была на историю отечественной науки. В Институте истории естествознания возник грандиозный замысел создания многотомной «Истории естествознания в СССР» начиная с древнейших времен.

С. С.: А разве намечалось не издание «Истории науки и техники в СССР»?

*О. А. Лежнева. Май 1990 г.
Фото А. Н. Кривомазова*

О. А.: Нет, это позже, в ИИЕТ. А в ИИЕ до объединения с Комиссией по истории техники речь шла только о естествознании. В. П. Зубову было поручено написать вводный историографический том. Он выполнил это с блеском: создал фундаментальный труд — образец историографического исследования. Я должна была написать историю физики в России до 1917 г. Но параллельно помогать Д. Д. Иваненко срочно готовить раздел физики для предназначенного к обсужде-

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 1998. № 2. С. 180–195.